

И. А. Подольному

Ранним утром официанты маленького кафе «Перевал» на полную мощность включили кондиционер. Пока было мало посетителей и никто не жаловался на сквозняки, они впрок запасали прохладу на грядущий день. И правильно делали! Душно было в майском городе перед

надвигающимся ливнем. Душно и пыльно даже в этот ранний час, и только в «Перевале» ощущался не по-здешнему холодный ветер, будто залетевший сюда с берегов Стикса или Леты.

Молодой корреспондент «Местной газеты» Дмитрий Волков, а для друзей и коллег – просто Митька, взял себе кофе, но не для того, чтобы пить. Он сделал для вида пару глотков, а потом поставил чашку напротив: кофейный запах немного отвлекал от тошноты. Еще в детстве Митьке поставили неврологический диагноз, больше похожий на скороговорку, трудно произносимый вслух для людей без медицинского образования, и, как следствие этой скороговорки, молодой человек страдал жуткой метеозависимостью. Перед дождем у него всегда страшно болела голова.

Неудивительно, что с утра журналист ненавидел весь этот мир вокруг, как ненавидят его записные алкоголики при сильном похмелье. И вообще «весь этот мир» вечно насмехался над Митькой. Взять хоть внешний вид: журналисту уже исполнилось двадцать пять, и виски его серебрились от ранней седины, а в магазинах при покупке алкоголя с него все еще спрашивали паспорт, потому что он выглядел хорошеньким подростком: тонкий, невысокий, с гладкой смуглой кожей, коротко, по-мальчишески стриженный, с ясными глазами ребенка. А эта злополучная седина серебрилась так аккуратно, будто это не каприз природы, а расчет опытного парикмахера, хорошо знающего модные тенденции. И бывало, корректоры «Местной газеты», две женщины в возрасте, говорили ему: зачем, мол, красишь виски в седину, зачем хочешь казаться старше, мол, да, модно это сейчас, но тебе так это не идет, успеешь еще состариться. И что им скажешь в ответ?

Или вот – работа. Дмитрий вел в «Местной газете» полосу спорта. Обычно этим занимаются бывшие спортсмены,

а из Митьки с его скороговоркой-диагнозом какой спортсмен? Или этот сон, поставивший его в дурацкое положение? Разве нормальным людям снится подобное?

Три недели назад в городе еще лежал последний снег. Теперь-то он уже стоял и стек вонючими ручьями не в Стикс, не в Лету, а в отравленную канализацией реку, единственную в городе. И воздух тогда был наполнен вонью и влагой, и вечером вот так же перед дождем Митька страдал от головной боли и тошноты. Он с трудом уснул, приняв таблетку анальгина. Во сне журналист очутился в смутно знакомой квартире.

Митька вспомнил: три года назад именно здесь он брал интервью у бизнесмена-мецената Михаила Марковича, кажется, для материала про серию благотворительных баскетбольных матчей местного клуба, играющего в суперлиге. И вот теперь во сне меценат снова сидел в своей гостиной. Полный мужчина с бритой головой был одет в ослепительно-белую рубашку, настолько чистую и свежую, что от нее будто бы исходил яркий свет. Журналист даже зажмурился, прикрыв глаза рукой.

– Дмитрий, мой отец тоскует по мне, – заявил Михаил Маркович. – Навестите его. Он нуждается в вас. Так расстраивались все в последнее время... А ведь потеря лежала там, где хранится всё позабытое.

Поутру Митька проснулся совершенно здоровым, но сон мучил его ещё долго, хуже головной боли. За завтраком, просматривая новости на планшете, он вбил в поисковик «Михаил Маркович Познанский». И вздрогнул: первая же статья оказалась некрологом, сообщавшим, что бизнесмен умер полтора года назад от рака. «Покойники часто снятся перед дождем» – вспомнил Митька: так когда-то говорила его бабушка, тоже покинувшая мир живых. Корреспонденту не было нужды спрашивать у «Гугл» и «Яндекс» про отца бизнесмена Познанского. Его и так

все знали: Марк Наумович, почетный гражданин города, выдающийся химик, литератор, коллекционер, краевед.

«Если покойный человек пришел во сне, значит, что-то ему нужно», – вновь отчетливо прозвучали в памяти бабушкины слова. «Дебильная ситуация, – подумал Митька. – Не могу же я позвонить профессору Познанскому и заявить, что покойный сын передавал ему привет. За такое или морду набьют, или в психушку отправят. Или решат, что я аферист. И к тому же кто я и кто он?»

Каково потерять близкого человека, Митя знал. Два года назад у него умер отец, тоже из-за онкологии. Журналист представлял, как бы он сам отреагировал, если бы некто незнакомый позвонил и рассказал подобный сон о его умершем родителе. «Бред какой-то!» – восклицал про себя Митька и привычно гнал от себя все мысли о своем отце.

Митя думал о нем слишком часто. Словно раздвоившись во времени, журналист жил наполовину в настоящем, а наполовину – в прошлом, где отец был ещё жив. К примеру, направляясь из редакции на обед, вспоминал, как по этой же самой улице сопровождал папу в аптеку за лекарствами. Отцу тогда уже выписывали сильнодействующие препараты, которые получить мог только он сам сам по паспорту... О, сколько раз паспорт был забыт в аптеке вместе с только что полученными лекарствами, а также рецептами или сотовым телефоном, или кошельком! И чтобы такого не случилось, кому-то из троих взрослых сыновей приходилось сопровождать его. И Дмитрий шёл вровень с отцом, с трудом заставляя себя шагать так же медленно, как больной, ковылять, как раненое насекомое, будто жук без лапки, и стыдно было за само это сравнение.

Митин отец – в прошлом спортсмен-боксер в тяжёлом весе, а потом и тренер по боксу – всего за какие-то пару

лет превратился в беспомощного старика. После его ухода из жизни Митька, бывало, смотрел на себя в зеркало и спрашивал у хрупкого и хмурого парня с той стороны стекла: «Разве такого наследника должен был оставить мой отец?» И отражение усмехалось: «Нет, нет, ну конечно, не такого». Перед непогодой отец часто являлся ему в снах и обнимал за плечи, как изредка обнимал и при жизни, и говорил, как говаривал иногда и в реальности: «Горжусь тобой, Митька!»

Он и в самом деле гордился Митькой с самого раннего детства по поводу и без: когда мальчишка получал пятёрки в школе, когда удачно сдавал экзамены в «музыкалке», когда написал ЕГЭ по русскому на сто баллов, когда поступил на журфак и получил работу. Отец пытался бороться со слабостью Митькиного здоровья: в детстве возил сына в санатории, делал с ним зарядку, занимался с ним на турнике, даже научил боксировать, но сразу было понятно, что в чемпионы Митьке не выбиться никогда. Впрочем, отцовские труды не пропали даром: Митька стал крепче, хоть и не смог бы соперничать с двумя своими братьями в ловкости и силе. Старший из них, Антон, был чемпионом города по боксу, средний, Вадим, предпочёл лёгкую атлетику, стал кандидатом в мастера спорта, и только младший, Митька, не имел в спорте никаких заслуг. Разве что вёл полосу в «Местной газете», где рассказывал о чужих победах.

Отец словно бы и не замечал этой разницы между тремя своими детьми, он щадил болезненную впечатлительность и самолюбие младшего сына, и эта отцовская любовь, нелогичная, огромная, прощающая всё, заведомо и заранее, давила на Митю как неподъёмная штанга, даже теперь. Она была как солидное, но обременительное наследство: и управлять им тяжело, и бросить невозможно.

Беспокойство из-за странного сна не покидало Митьку. Намучившись от сомнений, наконец он решился. Взял у коллег номер сотового Марка Наумовича и позвонил ему специально не из редакции, а вечером из дома: не хотелось, чтобы этот разговор услышал кто-то посторонний. Поздоровавшись и представившись, Митька сразу же предупредил:

– Марк Наумович, я звоню по очень странному делу и, честно сказать, боюсь, что вы сочтёте меня сумасшедшим. Возможно, нам лучше поговорить не по телефону, а при встрече.

– Заочно я вас знаю: читал ваши статьи о спор-р-рте, – громким рыком донеслось с той стороны трубки. – Заинтриговали, молодой человек! Репортажи о баскетболе мне особенно нравятся. Вы – тот самый Дмитрий Волков. Я сейчас лежу в больнице, изнываю от скуки, так что, чтобы вы мне ни р-р-рассказали, всему буду р-р-рад. Давайте выкладывайте ср-р-разу, по телефону.

– Боюсь, мой рассказ, скорее, может вас расстроить. – Митька удивлялся, как легко, с первых же слов сложилось общение с профессором. Поражало и то, что Марк Наумович запомнил из газетных публикаций фамилию рядового спортивного репортёра. Митя, запинаясь от смущения, пересказал свой сон.

С той стороны трубки затянулась пауза. Митька не решился её прервать и какое-то время просто слушал тишину, казавшуюся ему не менее громкой, чем голос Марка Наумовича. Журналист очень не хотел, чтобы это молчание прервали короткие гудки. Уж лучше пусть его высмеют или пусть отругают. Однако напрасно дрожала трубка в Митькиной руке. Марк Наумович с расстановкой произнёс:

– Что же, Дима, это действительно очень необычно – всё необычно, что вы рассказали. Он так и сказал: «Там, где хранится всё позабытое»?

– Да, именно так.

– Я уже нашёл эту утрату. И я не сомневаюсь, что вы видели этот сон. Кроме сна, вам неоткуда было бы узнать об этом случае. И да, я очень скучаю по сыну. Даже в больницу вот загремел. Доктора тут говорят, что диагноз мой – status simulaticus, да и тот – от тоски. Завтра меня как раз выписывают. И, пожалуй, после вашего звонка я почувствовал себя намного лучше. Мы должны с вами встретиться. Я думаю, вы имеете право знать, о какой потере шла речь. Решиться на такой звонок – мужской поступок.

«Мужской поступок» – теперь, сидя в кафе «Перевал», Митька усмехнулся, вспомнив эту фразу. Ну какой из него «настоящий мужчина»? Так... обычный парень, не обладающий ни особой силой, ни особыми талантами. И снова накатила тошнота, и снова пришлось взять в руки чашку с капучино, чтобы вдохнуть отвлекающий от дурноты запах кофе. «Весь этот мир – чушь. Вот отец был настоящим мужчиной, не то что я. И Познанский, талантливый был бизнесмен, вот он тоже был настоящим мужчиной, но они умерли, а я зачем-то живу. Жизнь полна бессмысленных сюжетов, как сны под утро, и на фиг мне всё это сдалось? Зачем я иду к этому профессору?» – Митька отхлебнул глоток кофе и заставил себя встать.

Всё-таки в доме напротив «Перевала» его уже ждал Марк Наумович.

* * *

В ожидании гостя Марк Наумович вышел на балкон. Глотнуть бы в такую жару хоть немного свежего ветерка. Но прохладного воздуха в душном летнем городе не было и в помине. Профессор чуть поправил пепельницу на краю небольшого балконного столика. Она стояла здесь для друзей: в доме Марка Наумовича часто собирались

шумные компании лучших не то что в городе, а в стране музыкантов, актёров, писателей, учёных... А вот сам он никогда не курил. Подростком в послевоенные переболел туберкулёзом и в юности познав страх смерти, профессор вместо никотина будто саму жизнь жадно вдыхал взатыг. Вырос высоким красавцем, играл в баскетбол, много путешествовал, увлечённо учился всему подряд – химии, физике, математике, литературе, истории... Коллекционировал марки, открытки, книги. Писал стихи и прозу, научные и журналистские статьи. Счастливо женился, вырастил сыновей. Завёл друзей по всему миру, влюблял в себя учениц и учеников. Встретил старость красиво, как не сбросивший листья, охваченный инеем клён встречает суровую зиму. Он был по-прежнему негиблемо прям и крепок и носил не то кленовую крону, не то львиную гриву пушистых седых кудрей, делавших его похожим на умудрённого летами царя. Его не сломали ни раннее вдовство, ни утрата молодого ещё сына.

В силу возраста теперь Марк Наумович редко выходил из дома, но летом любил смотреть на прохожих с балкона, на посетителей «Перевала» и банка напротив. Похожий на капитана на мостике корабля, он взирал на бурлящую под его ногами, подобную океанским волнам городскую жизнь. «Как этот мир велик, – иногда думалось ему. – Жаль, что я не видел и тысячной его части!» Вот и сейчас Марк Наумович всматривался в людей, спешащих кто куда, и пытался угадать, кто из них окажется его гостем, журналистом Дмитрием Волковым. Вот этот толстяк в джинсовой куртке? Или тот атлет с кожаной папкой? А может быть, невзрачный лысоватый мужчишка, словно боящийся поднять взгляд от асфальта? Марк Наумович не сомневался, что узнает журналиста с первого взгляда, как только увидит его. Прожив длинную и полную событий жизнь, он сделал вывод, что нет в ней

ничего случайного. Встречи и расставания predeterminedены заранее кем-то, если ты веришь в Бога, или чем-то, если ты доверяешь законам причинно-следственных связей.

И тут из кафе «Перевал», что напротив, через дорогу, вышел невысокий худощавый паренёк, с высоты второго этажа мощной «сталинки» он казался ещё меньше, чем был на самом деле. Марк Наумович наблюдал, как он нервно переминается с ноги на ногу, ожидая зелёного сигнала светофора, а потом не переходит, а перебегает проезжую часть. Профессор не стал ждать, когда Митя свернёт во двор дома, он больше не сомневался, что этот молодой мужчина, сохранивший в движениях ловкость боксёра в лёгком весе, и есть Дмитрий Волков. Марк Наумович направился в прихожую, чтобы без промедления ответить на звонок домофона.

* * *

Они сидели друг напротив друга в кабинете Познанского – великан-профессор и парнишка-журналист. Они уже обменялись ничего не значащими, но обязательными светскими любезностями, и теперь между ними образовалась завеса молчания. Марк Наумович по праву старшего решительно отдёрнул её.

– «Мы созданы из вещества того же, что наши сны. И сном окружена вся наша маленькая жизнь», – продекларировал он с улыбкой.

– Шекспир, – устало усмехнулся в ответ Митя. – «Буря». Эта фраза прозвучала как пароль, открывающий невидимые двери.

– Я расскажу вам о своей потере, Дима, а вы мне – о своей. Что с вами случилось, что вы, совсем молодой ещё человек, выглядите таким уставшим уже с утра и почему вам вдруг снятся такие сны?

– Не знаю, – Митька опустил голову и внимательно посмотрел на свои руки, на длинные тонкие пальцы человека, который никогда не знал тяжёлого физического труда, которого, казалось бы, обошли стороной все жизненные испытания. – Впрочем, я вру. Мой отец умер после тяжёлой болезни, от онкологии, как и ваш сын. Он был тренером по боксу. Видимо, я слишком часто думал о смерти в последнее время. И слишком много о ней читал: что чувствует человек после смерти, что с ним происходит, как представляют себе загробный мир разные народы и разные писатели, включая Шекспира, и всю эту прочую чушь.

Митька усмехнулся:

– Не знаю, Марк Наумович, зачем я рассказываю вам это. Это глупо, я знаю.

Профессор кивнул, и следующая его фраза потрясла своей простотой:

– Я очень вам сочувствую.

В промежутках между словами этой банальной фразы осталось: «Я знаю, как вам больно», «Я понимаю, что вы мучаетесь вопросом, достойны ли вы своего отца», «Я догадываюсь, что мир кажется вам бессмыслицей, хаосом».

– А я – сочувствую вам. – Митька внезапно испытал такое чувство, какое испытывают люди, наконец-то вышедшие на свежий воздух из душных больничных покоев. Он понял, что в беседе с профессором не понадобится лишних слов и все самое важное будет сказано без них.

И точно: Марк Наумович без всяких ненужных предисловий начал свой рассказ.

– Когда Михаил заболел, потребовались деньги на его лечение. Много денег. Он продал часть бизнеса, но наотрез отказался продавать остальное. Сын считал, что всё равно не выздоровеет, и хотел сохранить для моих

внуков свои магазин и дом. Но я не мог просто смотреть на то, как Михаил угасает. Что нужно человеку, чтобы прожить счастливую жизнь, Дима? Ему нужна семья. Достойные предки и достойные наследники, всего лишь любовь – чудо, высшее и непонятное. Дед мой был краснодеревщиком. Вот этот шкаф он сделал своими руками. Подойдите к нему. Погладьте его по боку. Смелее! Не удивляйтесь моей просьбе.

Митя всё равно удивился: наследники, любовь, дед-краснодеревщик и вдруг зачем-то какой-то шкаф! Никакой логики. Профессор перепрыгивал с одной мысли на другую. Но всё же Митька подошёл к огромному, как сам Марк Наумович, шкафу и погладил стенку: шершавое, как кожа, дерево, казалось, хранило тепло.

– Сколько я живу на земле, столько я помню этот шкаф. Я залезал в него, когда был совсем маленьким мальчиком, и играл в прятки с моими братьями и сёстрами. А в войну наши дальние родственники жили в США. И вот оттуда через знакомых, через целую сеть дружеских связей, они прислали нам дефицитную, редчайшую вещь – земляничное мыло, целую посылку земляничного мыла! Это было чудо, как манна небесная! Это была драгоценность это был клад! На мыло можно было выменять все что угодно, даже хлеб. Ящик хранился в шкафу, и запах вокруг стоял такой, что я надышался им до одури. Я до сих пор ненавижу земляничное мыло: оно напоминает мне о войне. И хотя шкаф давно им не пахнет, я всё ещё чувствую эту земляничную напасть. Знаете ли вы, Дима, что такое provenance?

Журналист покачал головой, он не знал никаких языков, кроме русского, даже пары слов на ломаном английском ему было не произнести, не говоря уж о французском. Кроме того, он почему-то поёживался всякий раз, когда профессор называл его Димой. В устах Марка

Наумовича это обыденное обращение звучало как-то неправильно, как-то не так, как хотелось бы самому Митьке. Он уже давно мог бы вернуться на своё место и сесть, но почему-то всё ещё продолжал гладить шкаф по боку, словно старого доброго слона.

– Provenance – это история какой-нибудь вещи: кем она была создана, кто ею владел вначале, кому она перешла по наследству или была подарена. Но, по сути, это история человеческих судеб, искусства или даже целого города или страны. Вот это – шкаф, а ведь он полон сюжетов. Набит ими под завязку. Знай, доставай по одному, потряхни от пыли – глядишь, кому-то ещё и сгодятся!

Предки мои переехали сюда из Могилёвской губернии в тысяча девятьсот одиннадцатом году. Знаете, до революции семнадцатого евреи должны были иметь разрешения на жительство в той или иной части империи. У моего деда-краснодеревщика разрешения такого не было, и, пока оно оформлялось неспешно, степенно, раз в месяц надзиратель являлся к хозяину дома и спрашивал: «А не живёт ли у вас недозволенный еврей?» Визит назначался всегда на один и тот же день, всегда на один и тот же час, и деда заранее прятали в этот сделанный им самим платяной шкаф. Надзирателю подносили на тарелочке стопку с закуской, давали три рубля, и он твёрдо обещал, обращаясь к шкафу, «все проверить по закону снова через месяц». Хотите открыть дверцы? Послушайте, как они скрипят, ворчат что-то там себе под нос по-стариковски. Сделайте милость, мой дорогой, откройте-закройте несколько раз: их звук – улада для моего слуха, потому что это песнь о прожитой жизни.

И профессор рассмеялся. И вместе с ним рассмеялся Митя. Он открыл дверцы и заглянул внутрь: в шкафу хранились какая-то одежда, книги, трости – разнообразные вещи, и каждая с provenance. «Интересно, сколько

потребовалось бы вечеров, чтобы рассказать о них?» – подумалось Мите. Он закрыл и открыл шкаф несколько раз, как просил профессор, и действительно раздался не то скрип, не то песня, не то жалобное ворчанье.

– Спасибо, Дима! – поблагодарил Марк Наумович, и только теперь журналист вернулся на своё место напротив профессора, а тот продолжил свой рассказ.

– Когда-то в этом шкафу хранилась маленькая-маленькая шкатулочка, изящная вещица. По семейному преданию, моему деду заказал её один важный сановник из Санкт-Петербурга, приезжавший иногда погостить в лето в наш город, он был родом отсюда. Фамилию его я вам называть не буду, да и неважно уже это. Шкатулочку нужно было изготовить по меркам портсигара с клеймом Ивана Хлебникова, чтобы и подарочная коробочка соответствовала по красоте презенту. Сановник хотел подарить портсигар кому-то из великих князей. Знаете ли вы, кто такой Иван Хлебников?

И журналист снова покачал головой. Ему стало немножко стыдно, что он так мало знает, что он так необразован.

– Иван Хлебников был выходцем из купцов, жил в Москве, владел фабрикой «изделий золотых, серебряных, бриллиантовых», как говорилось в рекламе того времени. Дело своё развивал успешно, талантом обладал большим и потому заслужил право стать поставщиком императорского двора. Сам Иван Петрович умер ещё до начала XX века, но у него были наследники, которые продолжили его занятие. И тут грянула революция, не стало ни императорской фамилии, ни сановника, заказавшего шкатулку для портсигара, ни фабрики Хлебникова... По какому-то стечению обстоятельств – дед никогда не рассказывал подробностей – шкатулка с портсигаром осталась у нас в семье. Показывать кому-либо такие вещи

в советское время было не очень-то безопасно, а болтать о них и вовсе не стоило, поэтому шкатулка с портсигаром лежали вот в этом самом шкафу и ждали своего часа.

И вот, когда сын заболел, я решил, что час настал. Пора их продать, чтобы были деньги на лечение. Я связался с художественной галереей в Питере, выслал им по электронной почте фотографии. Что там началось! Не прошло и десяти минут, как ушло электронное письмо, а мне уже звонили: ещё бы, такая ценность хранилась где-то в провинции все эти годы! Искусствовед, с которым я беседовал, спросил, есть ли у меня бронированные двери в квартире, надёжен ли мой сейф, – рассмеялся Марк Наумович. – Я ответил, что в жизни не ставил не то что бронированных, но и двойных дверей! Тогда искусствовед стал умолять отнести шкатулку в банковский сейф, пока он не приедет взглянуть на портсигар сам, воочию. Однако Михаил восстал категорически против этой затеи! Сказал: «Я арендую сейф и положу туда на хранение шкатулку, но она останется в семье, моим наследникам!» И, знаете, в тот момент деньги на лечение нашлись как-то сами собой: друзья помогли, родные... Впрочем, деньги не спасают от судьбы, Дима, вы и сами это знаете. Сына не стало, пришло время моим внукам вступать в права наследства, и я вместе с ними отправился проверять банковский сейф, но... ни шкатулки, ни портсигара там не оказалось!

Митя вздрогнул от этой фразы, словно проснувшись.

– Не может быть! Куда они подевались?!

– Банк встал на уши. Сотрудница, пошедшая с нами к сейфу, побледнела белее молока и сразу же позвонила управляющему. Нас пригласили в его кабинет. Бедняга! Управляющий так плохо выглядел, что хоть скорую вызывай: слава богу, обошлось без инфаркта или инсульта. Это же провал всей карьеры. После таких скандалов всю

жизнь прозябают бухгалтерами в какой-нибудь районной сберкассе. Он умолял нас не вызывать полицию, а попробовать сперва провести расследование своими силами. Позвали начальника охраны, и тот предложил начать с простейшего шага: проверить хранилище забытых в банке вещей. И что бы вы думали, Дима! «Там, где хранится всё позабытое» – и нашлась шкатулка с портсигаром! Работница хранилища потом рассказала, что шкатулку случайно обнаружил кто-то из сотрудников банка на крышке сейфа. И никто не додумался заглянуть внутрь: сама коробочка была такой красивой и тяжёлой, резной из дуба, что все решили, что она-то и есть сама по себе ценность. Я потом долго думал, как шкатулка могла потеряться. Моя версия: Михаил тогда сильно страдал от головных болей и потому был рассеян, всё время что-то забывал, терял. Видимо, он на что-то отвлёкся в момент, когда убирал портсигар в сейф. Может, ему позвонил кто-то на сотовый, и тогда он забыл убрать шкатулку и закрыл сейф пустым.

И вдруг после этой фразы Марка Наумовича в кабинет вошла молодая симпатичная женщина.

– Доброе утро! Марк Наумович, а наш гость будет завтракать?

– Будет, Людочка. Обязательно будет. Познакомьтесь, Дима, это Людочка, моя помощница по дому. Люда, это – Дмитрий, журналист «Местной газеты», – представил Марк Наумович. – Люда у нас чудесно печёт блины с клубникой.

Из кухни доносились приглушённые звуки какой-то бодрой музыки по радио, там шипела сковородка, и в кабинет вкрадчиво вползал очень аппетитный аромат.

– Могу я кое о чём попросить вас, Марк Наумович? – спросил журналист, понимая, что рассказ о пропавшей шкатулке окончен.

– Конечно.

– Зовите меня, пожалуйста, Митя. Дима или Дмитрий – это для... – Митька запнулся, но слово нашлось само собой: – Это для чужих.

Марк Наумович улыбнулся и кивнул, и опять всё самое важное осталось в промежутках между слов. Как в хорошо выверенном журналистском материале, не было предусмотрено для этой истории с портсигаром и шкапулкой никакого особого финала, никакой морали или вывода, но, несмотря на эту вопиющую, возмутительную нелогичность, Митька наслаждался чаем, будто пил его первый раз в жизни, и блинчики с клубникой оказались действительно очень вкусными.

Марк Наумович рассказывал что-то ещё из своей юности, нарочито забавное, с намерением рассмешить Митю, который, по мнению профессора, был слишком неулыбчив для своих двадцати пяти лет. И наконец грянул дождь. Вертикальный поток, напоминающий скорее водопад, чем ливень, обрушился на город, смывая с него горячку жары и пыль усталости. Занавесь из небесной воды закрыла вид из окна, и в ней утонул «Перевал» через дорогу.

Митька и Марк Наумович любовались непогодой, пировали блинами с клубникой, напоминавшей о весне и радостях жизни, и будто не на кухне беседовали, а на пикнике, устроенном в месте слияния великих рек, земных и небесных. Постепенно стихла маршевая дробь капель, и вместе с ней стих разговор. И волны Стикса, волны Леты медленно отступили от неминуемого для каждого из нас перевала, за которым в один поток сливаются явь и сны, и остаётся там, где хранится всё позабытое, лишь провенансе у некогда ценных вещей, лишь так и не раскрытые смыслы в общей прекрасной бессмыслице бытия.